
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.54(045)

Этимологические версии в призме этнолингвистической аттракции

Н. П. АНТРОПОВ

Как свидетельствует этимологическая практика, без учета “культурного контекста” определение того или иного конкретного решения – особенно в части его полноты – в рамках выдвинутых версий в ряде случаев оказывается затруднительным. Это касается лексем, происхождение которых часто квалифицируется как «народная этимология». Н.И. и С.М. Толстые, подробно проанализировавшие в свое время большой славянский материал этнокультурного характера, который маркирован очевидными признаками народноэтимологического притяжения, констатировали: «Народная этимология, имеющая весьма ограниченное распространение в языке как таковом, приобретает функцию одного из наиболее продуктивных приемов организации мифопоэтического и ритуально-магического текста и превращается в особый вид магии... Благодаря этимологической магии язык оказывается неразрывно связанным с другими компонентами архаических типов культуры и мифопоэтического сознания» [12, с. 240]. При этом, по их мнению, «этимологическая магия принципиально допускает множественность этимологических толкований и семантических притяжений слова не только в разных языковых системах (диалектах), но и в пределах одной системы (культурного диалекта) в разных этнолингвистических контекстах» [12, с. 237]. Разумеется, это в первую очередь касается лексем с семантически разветвленными корнями (или потенциально допускающими такую дифференцированность) – типа рассмотренного в цитируемой статье корня *благ-* при таких его реализациях как болг. и макед. *благ* ‘сладкий’, ‘кроткий, мягкий’, ‘скромный’, а также сербск. *благо* ‘деньги, имущество’, ‘скот’ и др.

Представляется, что к этому же кругу могут быть отнесены многие славянские названия радуги, исключительно насыщенные в традиционных культурах мифологическим (мифопоэтическим) содержанием. К подобным номинациям с потенциальностью этимологического варьирования относятся, например, широко распространенное бел. *вясёлка* или воложинский уникализм *багатка* – обе с адъективной апелляцией (*вясёлы*, *багаты*) и соответствующим этнокультурным фоном. Однако столь очевидные связи отнюдь не покрывают в себе потенциальные семантические зоны этих лексем, поэтому вполне жизнеспособны (более того – скорее всего, как раз первичны) и иные этимологические толкования: возведение первого наименования к древнеславянской исходной основе ⁺*vez-slo*/**vez-slo* ‘1. то, что связано, связывает; чем связывается; 2. коромысло’ [8, с. 298; 7, с. 181; 13, 32, с. 157] и соотнесение второго с названиями огня, восходящими к праславянскому корню **bagat-*, которое реализуется в **bagatje* ‘огонь’ [13, 1, с. 124], **bagaty* ‘то, что горит, тлеет; жар, огонь’ [17, 1, с. 176–177, 179–180]¹.

Как представляется, такого же рода и наиболее распространенное восточнославянское наименование семицветной небесной полосы, т.е. собственно *радуга*. Действительно, возможность его неоднозначного объяснения в связи с возможностью различного структурирования слова (*ра-дуга* // *рад-уга*) является здесь предпосылкой для действия этнолингвистической/этимологической аттракции. Предложенные (начиная с Ф. Миклошича) версии проис-

¹ Подробнее о последнем см. [2].

хождения этого наименования можно свести фактически к двум равнозначным: восточнославянское новообразование (согласно белорусскому этимологическому словарю «усходнеславянскі лакальны тэрмін») является а) суффиксальным производным с суффиксом *-oga* от прасл. адъективного корня **rad-* ‘радостный; веселый’; б) продолжением прасл. корня **doga* (= *дуга*). В последнем случае, естественно, нуждается в объяснении начальное *pa-*, в котором видели усеченные *pa(ð)-*, *pa(ÿ)-* (ср. рус. диал. и укр. *райдуга*), лит. *óras* ‘воздух, небо’, наконец, экспрессивный элемент типа *ga(ÿ)-*, *жа(ÿ)-* и т.д. [10, с. 190–191; 7, с. 181–182; 13, 32, 157–158]. Причем и первая, и вторая версии столь же равнозначно могут быть вторичными как по отношению друг к другу, так и по отношению к возможным иным, т.е. собственно народноэтимологическими. Естественно, в традиционных культурах восточных славян реализуются обе аттракционные возможности.

Что касается связи с прасл. **doga*, то семантическая двусмысленность лексемы *радуга* снимается, по нашему мнению, прежде всего за счет редупликации второго элемента (ср. известные наименования типа рус. диал. *ра́дуга-дуга́*, *дуга́-ра́дуга*, а также уже однословное *дугора́дуга* и его усеченную форму *дугора́* [5, с. 95]) или же соединения/слития с названиями *дуга́*, sporadически фиксируемыми в говорах восточнославянских языков и восходящими к указанной праславянской форме с «поглощением» ими семантически неопределенного начального *pa-*. Семантическая зависимость *радуги* от *дуги* как форме мотивированной и более «старшей» (в этимологическом смысле) представляется очевидной. Соответствующие – и многочисленные – континуанты прасл. **doga* хорошо известны в славянских языках, что, конечно, не удивляет, поскольку, например, ономазиологический анализ названий радуги во всех языках Европы и их картографирование в «Лингвистическом атласе Европы» свидетельствуют, что мотивация ‘дуги’ (реализующаяся через широкий ряд денотатов) занимает бо́льшую часть европейской языковой территории [1, с. 104–108].

«Радостные» мотивы, связанные с *радугой*, известны всем восточнославянским этнокультурам и распространены исключительно широко. Редко, но все же фиксируются формулы с глагольным повтором типа *радуга раду́ет(ся)*, ср. записи из Полесского архива Института славяноведения РАН: «*Мы ка́жэм, ра́ду́ха ра́дуеца – и со́нцэ и до́ж*» (Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл.); «*Ра́дуга – людэ ра́дуеца: пато́па нэ бу́дэ*» (Сварынь Дрогичинского р-на Брестской обл.). Отмечены и коннотации такого же рода, но уже с прилагательным *весёлый*, с которым в народном сознании устойчиво связываются наименования радуги с корнем *весел-*: «[Можно ли пройти под радугой?] *Мо́жна. Вес’о́лым бу́де* [тот, кто пройдет]» или *Веселу́ха ста́ла, бу́де да́жш. Вро́де кра́сная вес’о́лая, галу́бая, зел’о́ная...*» (Малые Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.). Позитивное по преимуществу восприятие радуги – особенно в обыденном сознании – даже вне контекста версий, выдвинутых в научной этимологии позволяет предположить для восточнославянского *радуга* наличие безусловной и первичной связи с адъективным корнем **rad-*. Это, в свою очередь, дает основания для следующих равновероятных выводов:

1) Первотолчком для народноэтимологического переосмысления восточнославянского новообразования *радуга* явилось ослабление в ряде говоров взрывного в суффиксе, приведшее вначале к его «фрикативизации» и появлению форм *ра́дууа*, а затем к натуральному переходу *y → x*, что привело к возможности нового структурирования появившейся лексемы *ра́дууа* с выделением в ней суффикса *-ух-*, наличие которого в новой форме однозначно перевело лексему в мотивированную и послужило базой для создания новых суффиксальных отадъективных номинаций типа белорусских и полесских *ра́даўка*, *ра́довіца*, *ра́давіца*, *ра́даўніца*, рус. диал. *ра́дух*, *ра́душка*, укр. диал. *ра́дусник* и мн.др., которые, по мнению Н.И. Толстого, «свидетельствует о том, что от корня ⁺*rad-* создавались названия радуги непосредственно без сочетания с другим корнем (**doga* и под.)» [11, с. 176]. Представляется, что отдаленным, хотя на первый взгляд и парадоксальным, следствием новой (возникшей) суффиксации могла стать также полная редукция суффикса *-ух-* и возникновения форм без него, т.е. семантически максимальных по выражению радости *ра́да*, которые редко, но все-таки фиксируются в говорах всех восточнославянских языков, причем «в русских говорах оно отме-

чается на той же территории, где и сложные названия *рада-дуга, дуга-рада*» [5, с. 96], что, как представляется, может быть свидетельством вторичной мотивировки наименования²;

2) первичной была мотивированная адъективным корнем **rad-* форма *ра́духа*, фактически сразу после своего появления подвергшаяся мощному влиянию уже имевшихся в восточнославянских говорах лексем, продолжающих прасл. **doga*, что привело и к возникновению новой мотивировки («дуговой»), и к размыту старой («радостной»), а последнее не могло не отразиться на появлении целых цепочек многочисленных производных.

Производными от **rad-* Н.И. Толстой считает также формы с иными суффиксами, в частности, содержащими *i*, а именно зафиксированное в Западном Полесье (район Выгоновского озера в Брестской обл.) *ра́диха* [3]³. Однако как раз суффиксальное оформление лексемы *ра́диха* может, как представляется, служить основанием возведения ее к глаголу *радзіць* (< прасл. **rod-*). К нему же кажется возможным отнести и зафиксированное сравнительно недалеко от первого наименования (именно в Хатыничях Ганцевичского р-на) упомянутое *пара́духа*: «*ра́духа i пара́духа*» в ответе информанта на вопрос о названиях радуги. Безусловно, их связь с **rod-* не так очевидна и этимологически гипотетична (в частности, *пара́духа* может быть, естественно, связана с глаголом *пара́давацца* как *ра́духа с ра́давацца*), однако вполне возможный акцентологический сдвиг под влиянием известных там же наименований с ударным *a*, т.е. *ра́дуга* и под. (ср. приведенную выше пару *ра́духа – пара́духа*) делает ее не невероятной. Подобный ход рассуждений позволяет восстановить исходные **рад(э)ixa* и **параду́ха*, что, в свою очередь, дает возможность выявить в рассмотренных названиях совершенно реальное (и совершенно обычное в славянских традиционных культурах) значение «порождения» радугой дождя, а с учетом географической близости двух западнополесских населенных пунктов отграничить соответствующий микроареал.

Фонетически близкие наименования радуги *rodica* и его деминутив *rodičica* зафиксированы в середине XIX в. в кайковском говоре окрестностей хорватского города Вараждина. Согласно исчерпывающей рецепции хорватско-сербского академического словаря их записал словенский поэт и ученый-краевед Матия Валявец (Крачманов) в ряду иных (*puga, dugaća, doga, božji pas, majke božje pas, božji put, zlatni mostek*), известны же они с первой трети XVIII в. [15, с. 92]. П. Скок в своем этимологическом словаре пишет о них: «То značenje ('радуга'. – Н.А.) nastalo je zbog toga što se zove i *Majke božje pas = bogorodica*» [16, с. 152], – т.е. предполагает усечение последнего наименования. Эта идея – «остроумная» по мысли Н.И. Толстого – им же поддержана и продолжена: «Слово *rodica* 'радуга' следует воспринимать, вероятно, как свернутый фразеологизм **pās Bogorodice* или *pās od Bogorodice* и т.п.» [11, с. 185]. Учитывая типологическую составляющую, а именно то, что многие («в большинстве случаев» согласно М. Алинеи) названия радуги являются по происхождению композитами [1, с. 105–106], подобное этимологическое решение следует признать вполне реальным.

Иную версию выдвигает М. Фурлан в словенском этимологическом словаре, предполагая на основании хорв. диал. *rodica* 'радуга' (и только его) реальность (однако корректно: «ро vsej verjetnosti») диалектного *o*-коррелята к прасл. **rodь* 'vesel', т.е. **rodь* [14, с. 143], что не может не вызвать оправданных сомнений из-за единичности континуанта праславянской формы.

Поэтому не только не менее вероятным, но и вполне логичным и с формальной, и с семантической сторон представляется также соотнесение хорватских наименований с основными значениями отглагольного имени *rodica*, восходящими в конечном итоге к глагольному корню **rod-*. Если принять такое толкование, то сопоставление восстановленных выше западнополесских **рад(э)ixa* и **параду́ха* с хорватскими *rodica* и *rodičica* позволяет видеть

² Иначе Н.И. Толстой: «Более достоверно можно предположить, что форма *ра́дуга* возникла из сочетания типа **дугá, ра́да дугá...*, которое в скороговорке или в результате гаплогонии дало *дугá-ра́дуга* и позже просто *ра́дуга*» [11, с. 198].

³ В статье Н.И. Толстого *рад'ixa* [11, с. 177] – в соответствии с опечаткой в материалах «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы»; к сожалению, неточно и также вслед за атласом *параду́ха* вместо правильного (архивная запись) *пара́духа*.

здесь уникальную белорусско(западнополесско)-хорватскую изолексу типологического характера с аналогичным аттракционным развитием.

Еще более продвинутое действие этнолингвистического притяжения обнаруживается в белгородском (Русская Березовка Ракитянского р-на) *крадўха* ‘радуга’ [9], в котором лежащая на поверхности отглагольная производность (< *крась*) вполне может быть аттракционно сопряжена с наименованиями радуги: *крадўха* < *кράдуха* < *радуха* (< *радуга*). Совершенно логично, что полевые записи о том, что радуга крадет, ворует людей, особенно детей (в том числе из материнской утробы), отнимает у человека душу, силу и здоровье, девичью красоту, способности (например, голос при пении, умение заговаривать, причитать и т.п.), обнаруживаются также в южнорусских этнокультурных зонах, в частности на Владимирщине и Ярославщине, ср. некоторые нарративы: «Нас радугой пугали. Бабушка говорила: “Не ходи на улицу – радуга украдет”. Мы боялись – вдруг украдет»; «Ой, радуга парней ворует, она молодых парней любит...»; «Радуга – это сейчас стали говорить, а так все *ведьмин пояс*. Ведьма пояс на небе сушит. Она воду ворует с земли-то и вот когда набирает, пояс мокнет, она его на небе и сушит...» [6]. «Крадущая» радуга является, конечно, частным случаем (семантическим сужением) многочисленных и распространенных исключительно широко в этнокультурах человечества представлений о том, что радуга «тянет»: прежде всего, конечно, воду, далее то, что находится в воде, т.е. рыбу, насекомых и под., наконец, даже человека, с чем связано множество поверий о запрете выходить на улицу (в особенности детям), когда на небе радуга⁴.

Кратко рассмотренные выше три сегмента очень небольшого участка восточнославянских наименований радуги с корнями *рад-*, *род-* и *крад-* со всей очевидностью подтверждают возможность отнюдь не обязательно однозначных этимологических решений, если речь идет о лексических элементах базовых терминологических полей традиционной народной культуры. Более того, народная этимология в этнолингвистическом преломлении лишается сомнительного синонима «ложная» и оказывается просто этимологией.

Abstract. The paper analyses East Slavonic names for rainbow with the roots *рад-*, *род-* and *крад-* which have no monosemantic etymological solution.

Литература

1. Алинеи, М. О названиях радуги в Европе (карта 17 Лингвистического атласа Европы / М. Алинеи // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. – М.: Наука, 1988. – С. 104–117.
2. Антропаў, М.П. *Багатка* ‘вясёлка’ і *багач* ‘агонь’ (яшчэ пра этымалагічную “празрыстасць”) / М.П. Антропаў // Беларуская лінгвістыка, вып. 63. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – С. 113–117.
3. Архив “Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы” (Институт языка и литературы НАН Беларуси).
4. Белова, О.В. Радуга / О.В. Белова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4 (Переправа через воду – Сирота). – М.: Международные отношения, 2008. – С. 386–389.
5. Букринская, И.А. Карта 13. Названия радуги / И.А. Букринская, О.Е. Кармакова // Восточнославянские изоглоссы. 1995. – М.: Наука, 1995. – С. 93–100.
6. Добровольская В.Е. *Богородицыно коромысло, божий мост, ангелова дуга, николин подарочек* или *чертово коромысло, ведьмин пояс, градовая дуга, русалий подарочек*: к вопросу об амбивалентной природе радуги в Центральной России (в печати). Благодарю автора за любезное разрешение ознакомиться со статьей в рукописи.
7. Журавлев, А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / А.Ф. Журавлев. – М.: Ин-

⁴ Славянский материал такого рода подробно описан в [4, с. 386–387].

дрик, 2005. – 1004 с.

8. Кривіцкі, А. Беларускае вясёлка і македонскае појас: родныя ці сваякі? / А. Кривіцкі // Македонски јазик. Година XL–XLI: 1989–1990. – Скопје, 1995. – С. 291–300.

9. Материалы Архива «Общеславянского лингвистического атласа» Российской национальной комиссии ОЛА.

10. Новое в русской этимологии. 1. – М., 2003. – 280 с.

11. Толстой, Н.И. Из географии славянских слов. 8. ‘Радуга’ / Н.И. Толстой // Толстой Н.И. Избранные труды, том I. Славянская лексикология и семасиология. – М.: «Языки русской культуры», – 1997. – С. 168–216 (первая публикация в 1976 г.).

12. Толстой, Н.И., Народная этимология и структура славянского ритуального текста / Н.И. Толстой, С.М. Толстая // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов: Сб. докладов / Отд-ние литературы и языка АН СССР; Советский комитет славистов; отв. ред. Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1988. – С. 250–264. Сравнительно недавно С.М. Толстая несколько дополнила и переработала указанную статью (и ссылки даются именно на последнюю публикацию), см.: Толстая, С.М. Народная этимология и этимологическая магия / С.М. Толстая // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: Индрик, 2008. – С. 226–240.

13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1. – М.: Наука, 1974. – 214 с.; Вып. 32. – М.: Наука, 2005. – 261 с.

14. Bezljaj, F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. III. / F. Bezljaj. – Ljubljana, 1995. – 355 s.

15. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. XIV. – Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1955. – 960 s.

16. Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, knj. III. / Skok P. – Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1973. – 691 s.

17. Słownik prasłowiański. T. I. – Wrocław etc., 1974. – 487 s.

Институт языка и литературы имени Якуба Коласа
и Янки Купалы НАН Беларуси

Поступило 26.11.09